

УДК 39

В. А. Дмитриев

Этничность и этнокультурная идентичность.
Презентируемые ауостереотипы как результат
ароморфоза культуры (на примере
западных адыгов)

Дмитриев Владимир Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук, dmitriev_home@mail.ru

Из существующих подходов к изучению этнокультурной идентичности результативен тот, в котором различаются этничность и этнокультурная идентичность. Этничность является способом признания факта своеобразия этнокультурной общности, имеющим историческую специфику. Этнокультурная идентичность выступает приемом формирования ее своеобразия, значение которого особо повышается при ароморфозе культуры, определенным состоявшейся модернизацией. В таком состоянии культуры ее формообразование направлено на сложение презентимуемых ауостереотипов. В предлагаемом докладе соотношение этничности и этнокультурной идентичности рассматривается в контексте этнической истории западных адыгов, особо черноморских шапсугов.

Ключевые слова: этничность, этнокультурная идентичность, этническая история, адыги, черноморские шапсуги, ауостереотипы этнической культуры.

В теоретическом осмыслении понятия этнокультурная идентичность можно отметить несколько основных подходов:

- разделение понятий «этничность» и «этническая (этнокультурная) идентичность»¹;
- объединение понятий «этничность» и «этническая (этнокультурная) идентичность»²;
- признание понятия «этническая (этнокультурная) идентичность», заменяющим понятия «сознание» и «самосознание»³;
- использования понятия «этническая (этнокультурная) идентичность» как подменяющего понятия «сознание» и «самосознание»⁴.

Солидаризуясь с последней позицией, показывающей сомнения в использовании понятия «этническая идентичность», («по-видимому, основания предпочтения нового термина привычным «самосознанию» и «самоопределению» следует искать в потере кредита традиционной понятийности»⁵), но признавая состоявшееся его проникновение в словник общественных наук, остается согласиться на разделение концептов «этничность» и «этническая идентичность». Это не означает, что предложенное автором, отстаивающим данное разделение, определение понятий «этничность» (комплекс, приписываемых общности признаков единства по территории, языку, культуре, преемственности свойств от родителей) и «этническая идентичность» (достигаемая индивидуумом в процессе конструирования социальной реальности субъективная идентичность принадлежности к отдельному этносу) является исчерпывающим, – достаточно того, что понятия разделяются.

В соответствии с предлагаемым подходом понятие «этническая идентичность» не отрывается от понятия «самосознание» и представляет собой концепт, существующий в предметном поле общем для этнологии и коллективной (массовидной, этнической) психологии. Этничность, соответственно, рассматривается как историческая категория, зависящая от общественного и источникового дискурсов. Этнокультурную идентичность также предлагаем рассматривать не однолинейно, а как двойственную категорию, представляющую не только элементы сознания, но и овеществленные в разной степени маркеры культурного своеобразия этнической общности. Если признавать этнокультурную идентичность в качестве результата отождествления личности или группы с определенной культурой, ее символами, ценностями, статусом и определяемой ролью в группе, то следует также дать характеристику названным свойствам, тем самым разделяя психологический и культурологический подходы.

Этничность и этнокультурная идентичность (далее ЭКИ) связаны через фактор сознания, но относительность в данном плане

такого индикатора, как этноним, указывает и на разные приемы предикации этничности.

В период, начавшийся в Древности и продолжавшийся до перехода к Новому времени, когда появляются этнонимы XVIII в., позволяющие связать их с определенными этническими общностями, для предков адыгов существовали наименования зихов (Причерноморье) и касогов (Прикубанье) с упоминанием в X в. папахов/сагинов (низовье Кубани)⁶. Очевидно, все названия были экзоэтнонимами, как и появившиеся позднее этнонимы «черкес» и «адыг». Мы не можем провести линию от этнонима к этнокультурной идентичности в данный отрезок времени, но можем отметить, что внешние источники сведений в лице иностранных путешественников называли следующие черты общности причерноморских адыгов, являвшиеся описаниями ЭКИ: проживание на черноморском побережье в горно-лесистом ландшафте; пережиточное христианство с особыми признаками и особенностью местных культов; воинственность; специфика культуры жизнеобеспечения, гендерного и общественного поведения. В значительной степени описания путешественников имели качество тревеллогов, отмечавших признаки «иной» культуры как типические для нее. ЭКИ формируется описаниями внешних наблюдателей как совокупность выделенных фактов действительности. Дифференциация этничности и ЭКИ отсутствует

В XVII–XIX вв. и особо с начала XIX в., когда историография истории и культуры Северо-Западного Кавказа начинает развитие в рамках ранней этнографической науки, в число признаков идентичности включается такой важный показатель, как наименование отдельных групп внутри адыгской общности в целом. Признание обозначения данных групп этнонимами является условным, так как характер единства групп мог быть различным⁷. Также остается неясным, какая часть из них была экзо- и эндоэтнонимами. В большей степени эти обозначения относятся к макротопонимам (как гидронимы – шапсуги-шэпсыгъу, хегаки/хетуги или выразитель пространственной позиции – абадзехи-абдзах) или эпонимам (кабардинцы – къэбэртai, бесленеевцы – бэслъыный, жанеевцы – жанэ и т.п.)⁸. Очевидно, можно говорить о проявлениях идентификации с местом (хетуги у моря) или владельцем (жанеевцы по княжескому дому Заноккъо). Наблюдались и другие случаи идентификации: более четкие, например, по этнополитическому союзу Причерноморских адыгов в XIX в. – Ахгутчипсе; по неясному, но общераспространенному делению всех адыгов на «адыхэ» и «абаза». Позднее свой вклад в этническую идентификацию внесла российская администрация с этнонимом широкого значения – «черкесь», и советская, объединив одну часть западных адыгов этнонимом *черкесы* (в Карачаево-Черкессии)

и совсем уже искусственным термином «адыгейцы» (в Адыгее), восточным адыгам оставив этноним «кабардинцы», и сконструировав этнополитические общности, территории и литературные языки. В этнополитическом конструировании ЭКИ формообразуется прежде этничности, а в ЭКИ адыгов присутствуют две формы: политико-административная по титульным этносам Северокавказских республик, и определяемая самосознанием, рассматривающая себя как единый адыгский этнос. Последнюю дополняет соотнесение себя с базовым этническим формированием XVIII–XIX вв. Особо данная черта проявляется у западных адыгов в использовании этнонимов, в наше время формально относимых к субэтническому уровню: абадзех, бжедух, шапсуг. Эти этнонимы употребляются в неформальном общении, все реже звучат в официальной речи, что подкрепляется исчезновением диалектных различий. Исключение представляет положение группы черноморских шапсугов, сохраняющих в устной речи оба диалекта, северный и южный, но очевидно тоже уходящих.

Черноморская Шапсугия в современном состоянии входит в Туапсинский р-н Краснодарского края и р-н Большого Сочи. Этническая общность причерноморских адыгов-шапсугов, в основном выделяется по адыгскому населению данных территорий в пределах части указанных районов, чем и задается характеристика этничности общности⁹. Ареал расселения черноморских шапсугов, как и расположение в нем аулов, целиком задан процессами российской колонизации Западного Кавказа. Еще более аскрибированной представляется такая характеристика этничности, как этноним, по крайней мере, отраженный в официальных статистических источниках. В переписях населения РФ 2002 и 2010 гг. адыгское население данного ареала (являющееся, за небольшими исключениями шапсугским) было распределено по следующим группам, что, по данным на 2010 г. выглядит следующим образом¹⁰:

Муниципальный округ	Численность по этнониму, чел.			Всего по округам, чел.
	Адыгейцы	Шапсуги	Черкесы	
Туапсинский	2103	1936	119	4158
г. Туапсе	635	99	61	795
Сочинский (городской округ Сочи)	2385	1897	264	4546
г. Сочи	1711	716	173	2600
Общая численность – 12099 чел. ¹¹				

Таким образом, этничность шапсугов при официальном подходе уходит в скрытую позицию, являясь фактором этнического самосознания и дискурса этнографической науки, что в значительной мере на настоящее время является функцией ЭКИ.

Прежде чем перейти к ЭКИ черноморских адыгов, целесообразно отметить идентичности, с которыми она сосуществует, отметив не все из них, а наиболее важные в аспекте темы. Часть из них является объективной реальностью, часть – дискурсами самосознания:

- дискурс принадлежности к адыгскому миру и мировой адыгской диаспоре – подтверждается фактом расселения адыгов в мире и распространенностью шапсугского диалекта среди адыгов Ближнего Востока;

- дискурс принадлежности к российскому «большому сообществу» подтверждается массовым использованием русским литературным языком и признанием двух праздников общегосударственной ритуальной культуры: Нового года и Дня Победы;

- идентичность хозяйственной структуры Российского Причерноморья подтверждается включением шапсугских аулов в хозяйственную периферию городов и поселков городского типа курортной зоны Причерноморья, их превращение в спальные пригороды с самостоятельным населением, занятым городскими профессиями;

- конфессиональная идентичность и дискурс подтверждаются фактами восстановления и строительства мечетей в шапсугских аулах при сосуществовании исламского фактора с традиционно религиозным;

- идентичность и дискурс семейно-родственных и фамильных связей.

Фамильные объединения составляют костяк социальной структуры шапсугского этноса. В ряде аулов прослеживается наличие патронимических кварталов, семейно-обрядовая жизнь сосредоточена в фамильных союзах, которые составляют собственную пространственную структуру Черноморской Шапсугии: в северной части земель доминируют Шхалаховы, Нагучевы, Куадже, Алало, Мафагел; в центральной – Нибо, Сизо, Боус, Чачух, в центральной и южной зоне – Хушт, Тлиф, Гвашевы¹².

Фамильные союзы являлись основой социальной жизни причерноморских адыгов в XVIII – первой половине XIX в., именно они были структурой сообщества Ахгутчипсе, объединявшего квазиэтнические объединения шапсугов и натухаевцев. Это сообщество спланировали патронимии Натхо, Нетохо, Кoble, Схашете, Гоаго-Соотох, Гуайе, поддерживающие братство уоркских и тфокотольских фамилий дороссийского Черноморья¹³.

Названные идентичности являются пограничными с ЭКИ и могут быть включены в полное описание культуры этноса. Если рассматривать ЭКИ в суженном специализированном понимании, то ее следует трактовать как культурное разнообразие, целенаправленно ограниченное этническими рамками и поддерживаемое этническим самосознанием, что порождает ауостереотипы этнической культуры. В современной культуре черноморских шапсугов наблюдаются следующие ауостереотипы шапсугской этничности, входящие в ЭКИ:

- ауостереотипы хозяйственной деятельности – комплекс возделывания проса и фасоли с элементами садоводства;
- ауостереотипы пережитков экологии лесо-хлебной системы – выращивание и обработка фундука, элементы культа каштана;
- ауостереотипы символов материальной культуры – сохранение в домах в функции предметов домашнего музея: столика на трех ножках, веселки и др., отдельных предметов национального костюма;
- ауостереотипы этнических ритуалов – современные варианты молниевых культов, обрядов вызывания дождя, обрядов у священных деревьев и каменных куч; ритуалистика современных форм традиционной семейной и семейно-календарной обрядности;
- ауостереотипы историко-экологической памяти – представления об ушедшей культуре жизнеобеспечения как более рациональной и здоровой;
- ауостереотипы историко-политической памяти – представления о образе жизни дороссийского времени, оценки событий и результатов Кавказской войны XIX в., оценки роли этнополитического организма Шапсугского Национального района (1924–1952);
- ауостереотипы *адыгэ хабзэ* – этикета адыгских народов как совершенной этической системы.

Данные этнические ауостереотипы существуют в условиях культуры, прошедшей ароморфоз перехода от архаики к почти полностью модеризированным современным формам. Традиционное производство редуцировано до домашнего хозяйства, жилище развивается по образцу европейского дома зажиточной семьи, образцом одежды являются ее модные бренды. Феномен ЭКИ преимущественно соотносится с соблюдением этикетных норм культуры и поддержания разных форм исторической памяти.

¹ Верещагина М. В. Этническая идентичность и толерантность в условиях поликультурной общности. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2012.

² Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуации общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 2.

С. 56–68; Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3. С. 75–81; Тишков В. А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнологическое обозрение. 2020. № 2. С. 80.

³ Тишков В. А. Указ. соч. Откуда и куда пришла российская этнология... С. 72–92.

⁴ Малахов В. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Гадло А. В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984 С. 71–73.

⁷ Ауглев М. Г., Лавров М. И. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской АО. М.: Л., 1964. С. 10.

⁸ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 26–46.

⁹ Сивер А. В. Переписи населения как материал анализа этнического самосознания черноморских адыгов-шапсугов // Культурная жизнь юга России. 2013. № 4 (51). С. 47–50.

¹⁰ Всероссийская перепись населения 2010. Краснодарский край. Таб. 4. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям Краснодарского края // URL: Всероссийская перепись населения 2010 krsdstat.gks.ru/vpn2010.

¹¹ Данные согласуются с приведенной в литературе численностью черноморских шапсугов в 10–12 тыс. чел. (см: Сивер А. В. Указ. соч. С. 50).

¹² Золотые россыпи Шапсугии. Майкоп: Меоты, 2001.

¹³ Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 2008. С. 236–244.

UDC 39

V. A. Dmitriev

**Ethnicity and Ethnocultural Identity.
The Presented Autostereotypes as a Result
of the Aromorphosis of Culture (on the example
of the Western Circassians)**

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus and Central Asia, top-grade researcher, D. Sc. (History), dmitriev_home@mail.ru

With the existence of various approaches to the study of ethnocultural identity, the one in which ethnicity and ethnocultural identity differ is effective. Ethnicity is a way of recognizing the fact of the originality of an ethnocultural community, which has a historical specificity. Ethno-cultural identity is a way of form-

ing the originality of a community, the importance of which is especially increased with the aromorphosis of culture, determined by the modernization that has taken place. In that state culture shaping is aimed at presenting autostereotypes. In the proposed report, the relationship between ethnicity and ethnocultural identity is considered in the context of the ethnic history of the Western Circassians, especially the Black Sea Shapsugs.

Key words: ethnicity, ethnocultural identity, ethnic history, the Circassians, the Black Sea Shapsugs, autostereotypes of ethnic culture.